

УДК 811.133.1'38

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА И ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА

Ю. Н. Власова*Смоленский
государственный
университет**e-mail:
vlassovajulie@mail.ru*

В статье описывается стилистический потенциал категории рода при образовании различных типов грамматической метафоры. Грамматическая метафора при участии категории рода может служить основой каламбура, выполнять функцию сатирического осмеяния действительности, выступать в функции усиления экспрессии текста.

Ключевые слова: грамматическая стилистика, грамматическая метафора, категория рода.

Введение

Общеизвестно, что экспрессивный потенциал грамматики неизмеримо меньше, чем у лексики, однако, в определённом контексте именно грамматические формы способны создавать стилистический эффект, подменяя образность лексическую, на что указывал ещё Роман Якобсон в статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» [18]. Проблем грамматической стилистики касались в своих трудах крупнейшие исследователи XX в.: И. В. Арнольд, Э. М. Береговская, К. А. Долинин, Р. Г. Пиотровский, А. П. Сковородников, Н. М. Фирсова, М. Крессо и др. [1; 2, с. 8 – 1; 12; 15; 16]. Термин «грамматическая метафора» предложила Э. Оксаар, в русской традиции он стал известен благодаря работам Е. И. Шендельс, определению которой мы следуем [17].

На сегодняшнем этапе грамматическая метафора представляется нам как перенос одной грамматической категории из одной сферы употребления в другую с целью создания стилистического эффекта. Перенос осуществляется на основе стилистических контрастов, классификацию которых предложила Е. И. Шендельс, а расширила Э. М. Береговская. В составе этой сложной фигуры выделяется 6 контрастов и соответствующих им типов грамматической метафоры: 1) темпоральный – контраст между основным значением морфологической формы и контекстом (например, употребление *praesens historicum*); 2) ситуативный – контраст между грамматической формой слова и ситуацией (французские *Imparfait du Subjonctif*, *passé simple* в прямой речи, в доверительном разговоре персонажей); 3) грамматико-лексический – контраст между грамматической формой и лексическим наполнением («Я стану еще одной», Е. Евтушенко); 4) аккумулятивный – контраст между гипертрофированной концентрацией грамматической формы в микроконтексте и ее средней, нормативной концентрацией (*Vivre – remplir ses poumons, remplir ses yeux, remplir son ventre, remplir son esprit, remplir ses désirs, remplir ses mains : être plein. J. Dor*); 5) парадигматический – контраст между отдельными частями одной грамматической парадигмы (глагольными формами, местоимениями и т. д.); 6) окказиональный – контраст между каноническим словом языка и окказионализмом [2, с. 17].

Грамматическая метафора находится в непосредственной связи с грамматической категорией рода, числа, одушевленности имени существительного, категориями времени, вида глагола и другими грамматическими категориями.

Вопрос о категории рода в лингвистике продолжает оставаться спорным и не до конца решённым. Общие и частные вопросы категории рода рассматривались В. Г. Гаком, А. Доза, А. М. Пешковским, А. А. Потёбной [6; 11; 13; 20]. А. Мейе назвал категорию рода французских существительных одной из наименее логичных и наиболее неожиданных категорий [5].

Теоретический анализ

Мы обратимся к анализу примеров, которые свидетельствуют о проявлениях категории рода при образовании грамматической метафоры. Категория рода актуализирует свои выразительные возможности в нескольких типах грамматической метафоры.

Часто фундаментом грамматической метафоры является языковая асимметрия. Это асимметрия системы, которая проявляется в неполноте парадигм отдельных слов, и асимметрия структуры, которая выражается в том, что число элементов плана выражения не совпадает с числом элементов плана содержания [3]. Одно из проявлений такого заполнения языковых лакун наблюдается при обратном словообразовании, при образовании парадигматического контраста грамматической метафоры. Примеры подобных слов возможны в языках с подвижной флексией, с тенденцией к синтетическим способам выражения грамматических значений.

Кто жених у кукушки? – *Кукуш.*

У русалки? – *Русал.*

У подушки – *Подуш.*

У игрушки – *Игруш.*

У солонки – Солон <...>

(детская игра «Женихи и невесты»)

Зоопарк

Лена-ломака и Коля-кривляка

В воскресенье пошли в зоопарк.

В клетке, как Лена, ломалась *макака*,

А рядом, как Коля, кривлялся *макак*.

(Олег Григорьев)

Эти лжедериваты возникают с целью создания языковой игры, основная их функция – людическая.

Еще одной реализацией асимметрии языковой системы является каламбурен, основанный на паронимической аттракции дистантных паронимов, которые намеренно сопоставляются в контексте, образуя видовую пару [4].

Приведем пример из Жан-Люка Моро:

Il était

un vermicseau

qui pourtant

n'était point sot;

or,

voyant *une vermicelle*

il lui dit:

“Mademoiselle...”

Объединяя в одном поэтическом тексте «червяка» и «вермишелину», поэт достигает комического эффекта, усиленного не только сходством формы паронимов, но и сходством референтов.

Фигура каламбурена является порождающим механизмом языковой игры, где паронимазия сочетается с ложным частичным повтором, который усиливает подобие семантического родства, поэтому в одном микроконтексте, например, у Лор Хесбуа встречаются ворона (*le corbeau*) и мусорная корзина (*la corbeille*), справочник (*le bottin*) и ботинок (*la botinne*), капуста (*le chou*) и сова (*la chouette*), газ (*le gaze*) и газель (*la gazelle*).

При актуализации возможностей категории рода образуется и окказиональный тип грамматической метафоры:

“– Mlle Dreyfus ne travaille plus ici. Elle nous a quittés.

Je gardai la main sur le *poignon*. Le *mognon*. Enfin, *la poignée*, je veux dire.”

(R. Gary. Gros Câlin)

Волнение героя, который вдруг не находит любимую женщину на прежнем месте работы, настолько сильно, что это начинает проявляться в речи. Нужное слово в памяти никак не восстанавливается, память воспроизводит лишь части слов, отдельные слоги, из которых составляются слова окказиональные. В окказионализме “пог-поп” высвечивается “poignon” (культя), семантика которого выдаёт беспощность героя, ищущего опоры. В окказионализме poignon угадывается телескопное сложение двух слов “poignée” и “poignon”. Само слово “poignée”, которое герой никак не может вспомнить, очень символично. Ручка двери – это последняя и единственная опора для одинокого, теряющего смысл жизни мужчины, который озабочен совместным проживанием питона и маленькой мышки в своей квартире. В тот момент, когда герой, наконец, решает сделать первый шаг навстречу любви и новой жизни, неожиданное известие выбивает почву у него из под ног. Так, существование в одном микроконтексте слов мужского и женского рода, даже не составляющих видовую пару (poignon – poignée), позволяет увидеть символическую связь между мужчиной и женщиной, поиск опоры физической (poignée) и моральной, которую мужчина в этом случае ждёт от женщины.

Но окказионализмы обычно все-таки коррелируют друг с другом в плане противопоставления «мужской-женский род», и эти пары порождают яркий каламбур, создавая языковую шутку, как, например, у И. Виноградского: «Жители Кривого Рога и Санкт-Петербурга – криворожцы и криворожицы, Санкт-петербуржцы и Санкт-петербуржуйки».

Эти окказионализмы образованы путем телескопии – вместо существующих суффиксов женского рода вдвигаются слова “рожицы” и “буржуйки”, совершенно меняя стилистическую окраску канонических слов и придавая им шутливо-ироническое звучание. Категория рода при создании грамматической метафоры проявляется и в направлении литературной пародии. В пародийных стихах окказионализмы, как и в других случаях участия категории рода при образовании грамматической метафоры, создаются как члены видовой пары, даже если существительное женского рода уже существует в языке.

В жаркой бане вместе <u>моются</u>	В божьем храме страстно <u>молятся</u>
С <u>комсомольцем</u> комсомолица,	С <u>комсомольцем</u> комсомолица,
Чтобы быть обоим чистыми	Чтоб сбылось их желание –
Молодыми коммунистами.	Выйтрать соцсоревнование.

Окказионализм «комсомолица» в «Смешных и неприличных стихах» Бориса Кузина маркирует ироничное отношение автора, а сатирический подтекст пародии усиливается от того, что окказиональное слово рифмуется с паронимами «моются», «молятся».

В языках с преобладанием синтетизма выражения грамматических значений, к которым относится русский, очень продуктивен грамматико-лексический тип грамматической метафоры, поскольку при изменении категории рода у существительного можно добиться определенных стилистических эффектов. В пародийном тексте подобные эффекты достигаются с целью создания гротеска или комического остранения.

Например, на стихотворение Николая Годенко, в котором есть строки «Не надо, хлопцы, ждать Шекспиров, / Шекспир больше не придут...», Александр Иванов отреагировал так:

Да мы, уж коль такое дело,	Вот как навалимся всем миром,
Не хуже тех, что в старину...	Нам одиночки не нужны!
И мы напишем, как <i>Отелло</i>	И станем все одним шекспиром,
Зазря <i>прихлопнуло</i> жену. <...>	Не зря у нас все равны!

Разговорные элементы стихов Н. Годенко, как и панибратское отношение к классике, в пародии перерождаются в просторечные. Смысл конвергенции парадигматического и грамматико-лексического типов грамматической метафоры состоит в общем снижении оценки – сначала, употребляя во множественном числе имя общеиз-

вестного лица («шекспир» – «шекспиры»), автор пародии лишает его уникальности (по А. А. Потебне, «множественное несправедливого пристрастия»), затем благодаря ложному согласованию глагола по окончанию среднего рода имени собственного («Отелло прихлопнуло») снижение усиливается до презрительного пренебрежения.

Аккумулятивный тип грамматической метафоры, выступая ведущей фигурой различных стилистических конвергенций, выстраивает архитектуру целого текста.

Migration

Fès, mamie
mon imprécatrice chauve
 aux talons gercés dans la boue de l'hiver
ma folle aux dix chats sataniques
 aux douze tortues pieuses
mon irrésistible défunte
 au suaire de basilic
 taché du premier sang de la vierge
ma mendiante sous l'auvent
 de la "Boutique du prophète"
ma lavandière
ma tamiseuse
ma savetière
ma rouleuse de semoule
ma brodeuse
ma distilleuse
ma sellière
ma marieuse
ma dinandière
ma passementière
ma tisserande
ma babouchière
ma youyouitière
ma liseuse de bonne aventure

ma masseuse
ma rebouteuse
ma tatoueuse
 de harquous et de henné
ma musicienne
ma conteuse
 ma datte fourrée
 au cheveu de la possession
mon herboriste
ma vendeuse d'oeufs d'autruche
 et de poils de souris orpheline
ma guérisseuse
ma gardienne de colombiers
 et sanctuaires
 ma planche coranique
 et *mon calame* bris
ma flagellante
mon amour mystique
 se brûlant la main pour s'éprouver
 et ne pas s'avouer
 toi *ma lointaine*
ma recouverte du voile écrit
 et des grandes eaux
 de la nouvelle barbarie <...>
 (Abdellatif Laâbi)

Вся образность стихотворения А. Лааби построена на необычном влечении форм существительных женского рода в ткань поэтического текста. Перед читателем предстает сложный персонифицированный образ арабского города Фез, который постепенно раскрывается – жизнь города представлена как жизнь женщины: то нищенки (*mendiante*), то сказочницы (*conteuse*), то целительницы (*rebouteuse*), то вышивальщицы (*brodeuse*) и т. д. Каждая новая форма женского рода дополняет портрет города новой чертой. Этому способствуют окказиональные слова "*distilleuse*" (от глагола *distiller*), "*babouchière*" (от *babouches* – кожаные мягкие тапочки), "*youyouitière*" (от *youyou* – радостный возглас арабской женщины, сопровождающийся характерной жестикомацией). Телескопное слово "*imprécatrice*" (от *imprécation* – проклятие, в сочетании с прилагательным *chauve* – аллюзия на произведение Ежена Йонеско «*Santatrice chauve*» – «Лысая певица») подчеркивает загадочность описываемого образа, придавая ему некоторую абсурдность и зловещий оттенок.

Парадигматический контраст грамматической метафоры поддержан дериватами женского рода, незафиксированными в словарях, *savetière* (от *savetier* – холодный сапожник), *sellière* (от *sellier* – шорник), *dinandière* (от *dinandier* – литейщик, медник), *flagellante* (от *flagellant* – самобичующийся). Этот же тип грамматической метафоры реализуется в противопоставлении суффиксов женского рода (-euse, -ière, -trice). Так, актуализируется экстрапарадигматический контраст грамматической метафоры – контраст на уровне языковой системы [3].

25 членов аккумулятивного ряда существительных женского рода служат индивидуализации портретных черт древнего города с богатой историей. Аккумуляция притяжательных прилагательных (мон, ма) наряду с существительными – обращениями очень четко выстраивает отношения между лирическим героем и персонифицированным образом города.

Подобная итеративная сеть – конвергентное сочетание трёх типов грамматической метафоры, а также анафоры и синтаксического параллелизма, формально является подкладкой для развернутой метафорической персонификации. В целом с точки зрения конвергентных структур, этот фрагмент можно назвать гетерогенной конвергенцией по принципу аппликации, где формально-грамматические характеристики сплетаются с образными.

Заключение

Таким образом, категория рода имени существительного структурно охватывает четыре типа грамматической метафоры: парадигматический, грамматико-лексический, окказиональный и аккумулятивный (как потенциал для конвергентных сочетаний).

Аккумулятивный тип – основа архитектоники текста, усилитель его когезии и когерентности, а также составляющая синтаксических и смешанных конвергенций.

Парадигматические отношения грамматической метафоры могут реализовываться как на уровне микроконтекста, так и на уровне языка (при участии аккумулятивного типа).

Языки с ярко выраженным синтетизмом оформления грамматических значений имеют значительный стилистический потенциал при участии категории рода.

Грамматическая метафора способна быть строительным материалом (подкладкой) для персонификации (в случае аппликации парадигматического и аккумулятивного типов).

Формы мужского рода существительных чаще нейтральны, тогда как формы женского рода либо окказиональны, либо являются лжедериватами, образующими видовую пару.

Грамматическая метафора при участии категории рода может служить основой каламбура, выполнять функцию сатирического осмеяния действительности, выступать в функции усиления экспрессии текста.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта: Наука, 2004.
2. Береговская Э. М. Стилистика в подробностях. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
3. Береговская Э. М. Грамматическая метафора и парадигматические связи // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. К 80-летию проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск: СФУ, 2009. – С. 43 – 60.
4. Береговская Э. М. По дороге от тропов к фигурам: реконсилья и каламбрены // Риторика ↔ лингвистика. Вып. 4. Сборник статей. – Смоленск: СГПУ, 2003. – С. 111 – 120.
5. Виноградов В. А. Классификативность и экосемия // Res Philologica. – М., Л.: Наука, 1990. – С. 126 – 133.
6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004.
7. Гин Я. И. Грамматический род как категория поэтического языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985.
8. Долинин К. А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978.
9. Зализняк А. А. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1964, – № 4.
10. Ковалев В. П. Экспрессивное использование категории рода // Русская речь, 1975, – № 5.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
12. Пиотровский Р. Г. Очерки по грамматической стилистике французского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.

13. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. В. 4 т. Т. III. – М., 1968.
14. Сковородников А. П. Аккумуляция // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 23 – 25.
15. Сковородников А. П. Грамматический троп // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 142 – 145.
16. Фирсова Н. М. Избранные труды. Том I. Актуальные проблемы грамматической стилистики и разговорной речи испанского языка. – М.: РУДН, 2009.
17. Шендельс Е. Н. Грамматическая метафора // Филологические науки. 1972. – № 3. – С. 51 – 56.
18. Якобсон Р. О. Грамматика поэзии и поэзия грамматики // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 462 – 482.
19. Cressot M. Le style et ses techniques. – P.: PUF, 1947.
20. Dauzat A. Les interversions de genre à valeur affective // le Français moderne, 1941. – P. 161 – 170.

STYLISTIC POTENTIAL OF GRAMMATICAL GENDER AND GRAMMATICAL METAPHOR

J. N. Vlasova

*Smolensk
State
University*

*e-mail:
vlassovajulie@mail.ru*

The article is devoted to the stylistic potential of grammatical gender while creating different types of grammatical metaphor. Grammatical metaphor with the help of grammatical gender can be the basis of forming pun, can perform a function of satirical mocking of reality, can perform a function of intensifying expressiveness of the text.

Key words: grammatical stylistics, grammatical metaphor, grammatical gender.